

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гун А. Дзен-буддистская практика в прозе В. Пелевина (на примере романов «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня») // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73693 EDN: ZOOKHN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73693

Дзен-буддистская практика в прозе В. Пелевина (на примере романов «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня»)

Гун Аньпин

аспирант, кафедра истории русской литературы; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9-11В

✉ gap0921liza@yandex.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73693

EDN:

ZOOKHN

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2025

Аннотация: В поэтике Виктора Пелевина важное значение имеет использование философии дзен-буддизма. В данной статье в качестве материалов для анализа выбраны романы В. Пелевина с наиболее очевидными проявлениями философии дзен-буддизма — «Чапаев и Пустота» (1996) и «Священная книга оборотня» (2004). В конце этих двух романов герои совершили свои дзен-буддийскую практику и исчезают из мира. Хотя в обоих романах показывается процесс дзен-буддийской практики главных героев, методы практики эти различны: Петр Пустота больше полагается на коаны дзен, он достигает просветления через внешнюю тренировку и вдохновение словом, в то время как дзен-буддийская практика А Хули исходит изнутри, из особенностей ее личности. Для выявления дзен-буддийской философской идеи и методы практики в романах (напр. Использование коанов, понятия «Пустоты» и «Природы будды» и т. д.) в статье применялись культурно-исторический и интертекстуальный методы. Центральным для данной работы выступил сравнительно-сопоставительный метод, позволивший выявить различия в методах и высших учениях практик героев. Научная новизна данного

исследования заключается в том, что, несмотря на интерес исследователей к дзен-буддийским идеям в произведениях В. Пелевина, на данный момент слабо изучена методы и высшие учения дзенской практики его персонажей. В результате исследования установлено, что различие практики героев проявляется не только в методах их практики, но и в познании «высшего учения». В романе «Чапаев и Пустота» — это познание понятия «Пустоты», а в романе «Священная книга оборотня» — «Природы будды». Эти ключевые понятия дзен-буддизма выступают в качестве единственного пути к спасению для главных героев. Автор через них постепенно приводит героев к просветлению. В парадигме В. Пелевина философия дзен-буддизма — это инструмент, используемый для спасения главного героя, влияющий на сюжет и композицию романа. Философская мысль дзен-буддизма не только дает идеологическую основу литературному произведению, но и формирует логику текста.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, коан, дзен-буддизм, Чапаев и Пустота, Священная книга оборотня, философия, дзен-буддийская практика, Пустота, Природа будды, просветления

Введение

В прозе Виктора Пелевина всегда встречаются схожие концовки: главные герои завершают свою духовную практику и затем исчезают. В романе «Чапаев и Пустота» Петр Пустота с помощью мастера Чапаева завершает практику дзен-буддизма и прибывает во «Внутреннюю Монголию»; в романе «Generation П» электронный двойник Татарского повсеместно присутствует на телевидении, но становится иллюзией, в конце романа «Священная книга оборотня» героиня А Хули находит способ перестать создавать мир и исчезает в радуге. В. Пелевин использует уникальную литературную стратегию: главная задача романа как литературной формы — спасти главного героя. Средство спасения главных героев в романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня» — это дзен-буддизм. Однако процесс духовной практики в двух романах совершенно разный. В данной работе анализируются практика и учение дзен-буддизма в названных романах и определяется функциональное значение этого философского учения в формировании художественного мира В. Пелевина.

Дзен-буддистская практика

Чапаев, герой романа «Чапаев и Пустота», — не практикующий дзен мастер, а учитель. Настоящий практик — это Петр Пустота, поэт из Петербурга, и его фамилия — Пустота — представляет собой игру слов. В романе подробно описана внешность каждого персонажа при первом его появлении, за исключением Пустоты. Столь расплывчатый образ этого героя соответствует объяснению «Пустоты» в «Сутре помоста шестого патриарха»: «Пустота бесформенна, изначальная природа в точности подобна этой пустоте, и осознание того, что нет там такой вещи, которую можно было бы увидеть, и зовется «истинным прозрением» [\[4, с. 280\]](#). Петр Пустота обладает ровно таким же объемом информации, как и читатель: у него нет воспоминаний о прошлом и идей о будущем. Поэтому каждый читатель может стать Пустотой и следовать за ним в его дзен-буддистской практике. Или же читатель может наблюдать за его практикой как посторонний человек. В романе «Священная книга оборотня» объем знаний А Хули намного больше, чем у всех персонажей и читателя. Тысячелетние память и опыт позволяют А Хули стать мастером дзен для читателя. Она не только завершила свою

собственную практику, но и оставила метод практики «бесхвостой обезьяне» (человеку). Роль А Хули в романе — роль стороннего наблюдателя за обществом. В романе А Хули и ее сестры живут в разных точках земного шара, пытаются найти наиболее подходящее место для жизни. Они наблюдают не только за Россией, но и за такими странами, как Таиланд и Великобритания. Поскольку А Хули обладает одновременно нечеловеческой и китайской идентичностями, она может «выпрыгнуть» из всех вещей и идей и объективно наблюдать за обществом, к которому у нее нет чувства принадлежности.

Духовная практика героев Петра Пустоты и А Хули — это два различных типа практики дзен-буддизма. Время практики Петра было недолгим, и он достиг просветления с помощью дзен-коанов и мастера дзен Чапаева. Древнекитайская лиса-оборотень А Хули прожила две тысячи лет, практикуя метод «созерцания сердца (синь)». В этом также состоит разница между Северной и Южной школами китайского дзен-буддизма. Шэньсю, дзен-буддистский мастер Северной школы, выступает за постепенную практику и предлагает метод «созерцания сердца». Он считает, что изначальный ум подобен чистому зеркалу и его нужно протирать ежечасно, чтобы ни одна пылинка не осквернила его поверхности [\[2, с. 88\]](#). Основная практическая задача и цель практики созерцания синь — удалить три яда (в буддизме они относятся к трем коренным загрязнениям ума: моха (неведение, спутанное сознание), рага (жадность, чувственная привязанность) и двеша (отвращение, ненависть). Коренная причина неспособности живых существ к освобождению заключается в том, что три яда обманули их сердца. Только устранив их с помощью практики «созерцания синь», можно восстановить изначальный ум и увидеть свою природу Будды. Метод духовной практики А Хули более близок к методу постепенной практики дзен Северной школы. Она расслаивает сознание на три независимых потока: «1) вспоминание всех своих темных дел с незапамятных времен; 2) спонтанное и неожиданное дергание себя за хвост; 3) отрешенное наблюдение за первыми двумя потоками сознания и за самим собой» [\[8, с. 169\]](#). В практике А Хули присутствуют три вида ума, то есть ее практика является более сложной, основанной на идеях Северной школы дзен-буддизма. Мастер дзен Желтый Господин в романе не играет центральной роли в ее пути к просветлению, акцент в ее практике сделан больше на размышлениях практикующего. Большая часть сюжета романа вращается вокруг поиска сверхооборотня. Сверхооборотень — это тот, кем может стать любой из оборотней в результате нравственного самоусовершенствования и максимального развития своих способностей. С точки зрения дзен-буддизма суть сверхооборотня на самом деле относится к «Природе Будды».

Южная школа дзен-буддизма интегрирует практику дзен в повседневную жизнь, подчеркивая, что в каждом моменте и в каждом деле присутствует дух дзен. В романе «Чапаев и Пустота» это показано через использование коанов. Первоначальное значение слова «коан» — это судебный документ древнекитайского правительства. Коан стал популярным после правления династии Тан (618–907 гг.). Теперь этим термином обозначают анекдоты и истории древних мастеров дзен-буддизма, беседы между мастерами и учениками, а также советы или вопросы мастера в классе [\[12, с. 102\]](#). Понимание коанов не требует каких-либо специальных действий, оно может произойти в любое время и в любом месте. Данный метод дзен-буддистской практики объясняет большое количество диалогов в романе «Чапаев и Пустота», который определяется автором как психологический дневник. Из-за небольшого объема внутренней деятельности духовная практика Петра Пустоты кажется пассивной. Основная мысль коанов в романе «Чапаев и Пустота» — отказаться от дуализма и логики и осознать «пустоту» мира. Но единственная разница между Южной и Северной школами дзен-

буддизма — это способ практики. По сути, они обе стремятся к внезапному просветлению.

Использование коанов

Одним из самых больших различий в дзен-буддистской практике героев является использование языка и слов, что представляет собой две разные тенденции дзен. В романе «Чапаев и Пустота» практика Петра Пустоты полностью основана на диалоге о философии дзен-буддизма и коанах. В романе «Священная книга оборотня» больше рассказывается о внутренней деятельности главного героя. В современной школе дзен-буддизма эти две схемы реализуются вместе, но на самом деле их значения совершенно противоположны. Дзен-буддизм презирует словесную ученость и подчеркивает интуитивное понимание; последователи дзен убеждены, что интуиция — самый непосредственный, эффективный инструмент для постижения высшей реальности [\[10, с. 58\]](#). Поэтому дзен в Японии также широко применяется в бусидо, кендо, стрельбе из лука и других видах спорта, которые больше полагаются на опыт и интуицию. Мастер дзен Такуан констатирует суть искусства владения мечом: «Все пустота: ты сам, твой обнаженный меч и твои руки, сжимающие его. Даже сама мысль о пустоте исчезла. Из такой абсолютной пустоты чудесным образом рождается действие» [\[11, с. 101\]](#).

Будучи социальным существом, человек не может ограничиваться простым опытом: он хочет передать его другим. То есть интуиция должна обладать каким-то содержанием, выражаться в виде идей, воспроизводиться на интеллектуальном уровне. Поэтому мастер дзен направляет учеников и помогает им с помощью сутр и коанов. Причина, по которой коан позже стал основным направлением дзен-буддизма, заключалась в том, что он был проще и давал ученикам с низким культурным уровнем шанс достичь просветления. В эпоху, когда не существовало системы коанов, дзен-буддизм, возможно, был более естественным и чистым, но лишь немногие люди могли понять его дух. Коан сделал дзен популярным и понятным. Независимо от того, сколько людей критикуют неправильное использование коанов, именно это не дает дзен-буддизму умереть. Обращением именно к этому методу практики дзен и объясняется большое число диалогов в романе «Чапаев и Пустота». Весь процесс просветления Петра был пассивным, поэтому невозможно определить, почему он достиг просветления. В духовной практике А Хули процесс, ведущий к просветлению, проявляется гораздо яснее. Коан присутствует и в романе «Священная книга оборотня», но он не занимает там важного места. Дзен-буддистская практика А Хули не требует слишком большого словесного вдохновения, больше внимания уделяется внутренней практике и практическим ритуалам. Помимо разного отношения к языку, важной причиной различий являются и «высшие учения», к которым герои стремятся в своей практике.

«Высшие учения» в романах: «Пустота» и «Природа Будды»

Истинная причина исчезновения героев В. Пелевина заключается в том, что они уже стали просветленными. В романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня» просветление может быть достигнуто сразу после понимания сути учения дзен-буддизма: «высшим учением» в романе «Чапаев и Пустота» является понятие «Пустота», и в романе «Священная книга оборотня» — «Природа Будды». Эти учения дзен-буддизма — единственный способ самоспасения для практикующих в романе. Они задаются автором заранее и постепенно ведут героев романа к просветлению.

Внимание критиков привлекает само понятие «Пустота». С. Корнев утверждает, что восточная пустота Пелевина основана на дзен-буддизме и представляет собой вечную

религиозную пустоту [3. С. 244–259]. А. Б. Сейдашова рассматривает использование концепции пустоты в романе как метафору, выражающую принцип постепенного отстранения человека от истины [9, с. 449–456]. В романе «Чапаев и Пустота» имеются некоторые неточности в толковании понятия «Пустота» и других философских идей дзен-буддизма. Согласно Ф. Ницше, Будда является негативным нигилистом, и буддийская мысль представляет опасное искушение для европейцев. В демократическом обществе из-за изобилия материальных благ у людей возникают большие желаний и беспокойства, поэтому дзен-буддизм и буддийская медитация стали для них видом психологической терапии. По его мнению, буддизм применяет такие методы для лечения измученной души людей: «Он предписывает жизнь на свежем воздухе, в странствованиях; умеренность и выбор в пище, осторожность относительно всех спиртных напитков» [6, с. 27]. Например, в романе «Бродяги Дхармы» (1958) представителя литературы «бит-поколения» Джека Керуака описывается история молодых американцев, которые с увлечением учатся пратикам дзен и отправляются в странствия в поисках духовного освобождения. Методом, задуманным для преодоления нигилизма, является создание сверхчеловека в бессознательном мире. В то же время Ницше признает, что Будда действительно обращал внимание на «себя»: «Если он встречает духовное утомление, которое выражается в слишком большой «объективности» (т. е. в ослаблении индивидуального интереса, в потере «эгоизма»), он с ним борется тем, что придает даже и вполне духовным интересам строго личный характер. В учении Будды эгоизм делается обязанностью» [6, с. 27–28]. В данном контексте главным критерием оценки нигилистических тенденций в буддийской мысли является интерпретация восточного понятия «Пустота». Пустота, представленная в романе, является абсолютной «Пустотой», которая в буддизме также известна как «злокачественная пустота». Только осознав, что все — лишь сон, а мир — это мираж, Петр Пустота может по-настоящему достичь просветления. Когда буддисты говорят, что все пусто, они не сближаются с нигилизмом, напротив, в буддистском учении о пустоте содержится намек на некую высшую реальность, которую невозможно передать в логических понятиях.

Понятие «Пустота» также является способом, по мнению Петра Пустоты, решить проблему России. Он говорит: «Когда в сознании появляются понятие и образ России, надо им самораствориться в собственной природе. А поскольку никакой собственной природы у понятия и образа России нет, в результате Россия окажется полностью обустроенной» [7, с. 342]. То есть когда будет раскрыта сущность феномена «Россия», а не его постоянно меняющиеся понятия и образы, то появится возможность найти путь к бессмертию. После распада Советского Союза Россия попала под влияние Запада в разных сферах – экономике, политике, культуре. В результате оригинальная национальная сущность российского народа оказалась вытесненной. Когда две виды культуры смешиваются, природа и характеристики вновь созданной культуры изменяют каждую из предыдущих культур. Этот динамичный, интерактивный и напряженный процесс теоретик постколониализма Хоми Бхабха называет гибридностью (hybridity) [1, с. 161–192]. Западные концепции капиталистического общества и демократии несовместимы с уникальностью России, поэтому в этот период Россия утратила свою национальную идентичность.

В романе «Священная книга оборотня» между А Хули и Александром, которые по своему мышлению и идентичности являются типичными представителями Востока и Запада, случилась кратковременная любовь. По самоотчетам главных героев, образ оборотня Александра сочетает в себе черты четырехглазого гигантского пса Гарма и огромного волка Фенрира из скандинавской мифологии, а А Хули является лисой-оборотнем А-Цзы

из древнего китайского произведения Гань Бао «Записки о поисках духов». В романе А Хули — единственный оборотень, обладающий Природой Будды. Она знала это, когда начала практиковать. Подобный тип героя и духовной практики фактически представляет собой деструкцию дзен-буддистской концепции «Природа Будды». Введение философского концепта «Природа Будды» не направлено на объяснение ее первоначального значения, его истинная цель заключается в создании противопоставления внутри романа. Но и эта оппозиция в романе не разрешена: восточная философия самосовершенствования, представленная А Хули, и западное мышление, находящееся под влиянием власти денег и материальных благ, воплощенное в Александре, всегда являются контрастными [\[5, с. 168\]](#). Хотя в романе сестра А Хули полагает, что такое самосовершенствование означает потерю любви ко всему существу, ее духовная практика все равно торжествует.

Разницу понятий А Хули и Александра можно продемонстрировать на примере их отношении к сказке «Крошечка-Хаврошечка». В этой сказке пестрая корова помогла Хаврошечке выполнить все непосильные задания, которые давала ее мачеха, после чего мачеха пыталась убить корову. Корова попросила девочку не есть ее мясо и схоронить ее кости в саду, из которых выросла яблоня, изменившая судьбу девочки. После превращения в волка Александр плакал и выл перед коровьим черепом. Его слезы и вой тронули до слез А Хули, которая решила, что он выл и плакал о себе, о стране, о смерти, о жалкой жизни. Однако все это было лишь для того, чтобы получить нефть. Взгляды Александра и А Хули существенно различны, поэтому они и расстались. Разрыв отношений Александра и А Хули символизирует в романе неизбежные противоречия между восточной и западной цивилизациями. Возникает также противопоставление оборотней, обладающих Природой Будды, и оборотней, в которых нет начала Будды. Подобная оппозиция нарушает самые основные концепции дзен-буддизма.

Философские взгляды составляют идеологическую основу романа и влияют на его структуру. Поскольку концепция «Пустота» является самой базовой концепцией в дзен-буддизме, сфера ее влияния очень широка: от человека до всего мира. Понимание «Пустоты» мира неизбежно будет сопровождаться деконструкцией существующего мира, в результате чего пространственная структура романа «Чапаев и Пустота» усложняется. Чтобы доказать нереальность мира, в романе создаются два основных пространства. Происходящее в одном из пространств является свидетельством нереальности другого. Так, для Петра Пустоты 1919-го года лечение в психиатрической больнице в 1990 году было его кошмаром; для Петра Пустоты 1990-го года знакомство с Чапаевым в 1919 году было доказательством его психического заболевания. Реальность пространства проблематизируется. Но кроме названных пространств в романе есть и другие. Дворец Вальхаллы, в который Черный барон отвез Петра, — это третий мир и духовное пространство. Поскольку Петр Пустота стал просветленным, в конце романа два мира сливаются в один совершенно новый мир. Появление этих пространств ломает первоначальный дуалистический взгляд Петра на мир. Понятие «Природа Будды» больше относится к способности, которой обладают все живые существа, но всегда игнорируется. Поэтому роман «Священная книга оборотня» фокусируется на самоисследовании этой способности, уделяя больше внимания личностям и психологической деятельности героев.

Заключение

Таким образом, духовная практика главных героев в романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня», Петра Пустоты и А Хули, является дзен-буддийской

практикой. Различие их духовных практик заключается в том, что Петр больше полагается на коаны дзен-буддизма и на помощь мастера дзен, а А Хули – на себя. Причиной данных различий является различие в стремлении познать «высшее учение», которое ими движет. В этих двух романах «высшее учение» основано главным образом на дзен-буддизме, но включает в себя и другие идеи. В романе «Чапаев и Пустота» понятие «Пустота» — это не только «высшее учение», которое Петр должен познать в своей практике, но и метод, данный автором для решения социальных проблем. В романе «Священная книга оборотня» основным учением является понятие «Природа Будды», однако в произведении присутствует скорее антидзенская тенденция: наиболее фундаментальные черты данного понятия «были проигнорированы, и дуалистическая оппозиция Востока и Запада не была разрешена. Таким образом, роль дзен-буддизма в произведениях Пелевина заключается не только в том, чтобы дать идеологическую основу литературному произведению, но и в формировании логики текста.

Библиография

1. Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2005. № 3-4. С. 161-192.
2. Дюмулен Г. История дзен-буддизма / Пер. с англ. Ю. В. Бондарева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 317 с.
3. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // Новое лит. обозрение. 1997. № 28. С. 244-259.
4. Маслов А. А. Классические тексты дзен. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 480 с.
5. Морева Ю. С. Использование и трансформация дальневосточного мифологического сюжета о женщине-лисице у Д. Гарнетта и В. Пелевина // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве. М.: Intrada, 2012. С. 160-170.
6. Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов: [перевод с немецкого]. М.: АСТ, 2019. 352 с.
7. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 352 с.
8. Пелевин В. О. Священная книга оборотня. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. 384 с.
9. Сейдашова А. Б. Мотив пустоты в романе В. О. Пелевина "Чапаев и Пустота" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 3. С. 449-456.
10. Судзуки Д. Т. Дзен и японская культура / Пер. с яп., послеслов. С. В. Пахомова. СПб.: Наука, 2003. 522 с.
11. Херригель Е. Дзен и искусство стрельбы из лука. Пути дзен / Пер. с нем. Е. Б. Бурняшова; Под ред. С. В. Пахомова. СПб.: Наука, 2005. 12. 264 с.
12. Suzuki D. T. An introduction to zen buddhism. New York: Evergreen Black Cat Book, 1964. 132 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статей, критических наработок, частных и монографических исследований по творчеству Виктора Пелевина достаточно много, но это не мешает вновь и вновь обращаться к его произведениям с позиций декодирования смыслов. Виктор Пелевин – фигура феноменальная, непростая; он пишет в рамках поэтики постмодернизма, где нарочито разрушение всего, начиная с формы и заканчивая буквально буквой / словом. На мой

взгляд, его раннее творчество более конструктивно и выверено, романы / тексты последних двух-трех лет имеют несколько коммерческий характер. Литературной базой рецензируемой статьи становятся роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота», а также «Священная книга оборотня» и это очень хорошо. Здесь есть и качество, и специфика, и то, на что собственно обращен взгляд исследователя – дзен-буддистская практика. В целом считаю, что работа сложилась, она оригинальна, целостна, самостоятельна. Текст удобен для чтения даже неподготовленному реципиенту, автор старается полностью прописать наиболее важные моменты в рамках раскрытия темы. Вектор аналитики выдержан на протяжении всего труда, начиная с самого начала: «В прозе Виктора Пелевина всегда встречаются схожие концовки: главные герои завершают свою духовную практику и затем исчезают. В романе «Чапаев и Пустота» Петр Пустота с помощью мастера Чапаева завершает практику дзен-буддизма и прибывает во «Внутреннюю Монголию»; в романе «Generation П» электронный двойник Татарского повсеместно присутствует на телевидении, но становится иллюзией, в конце романа «Священная книга оборотня» героиня А Хули находит способ перестать создавать мир и исчезает в радуге. В. Пелевин использует уникальную литературную стратегию: главная задача романа как литературной формы — спасти главного героя» и т.д. Дробность статьи на смысловые блоки оправдана, ступенчатый характер важен, таким образом тема раскрывается спектрально. Считаю, что стиль работы соотносится с собственно научным типом: например, «Чапаев, герой романа «Чапаев и Пустота», — не практикующий дзен мастер, а учитель. Настоящий практик — это Петр Пустота, поэт из Петербурга, и его фамилия — Пустота — представляет собой игру слов. В романе подробно описана внешность каждого персонажа при первом его появлении, за исключением Пустоты. Столь расплывчатый образ этого героя соответствует объяснению «Пустоты» в «Сутре помоста шестого патриарха»: «Пустота бесформенна, изначальная природа в точности подобна этой пустоте, и осознание того, что нет там такой вещи, которую можно было бы увидеть, и зовется «истинным прозрением», или «Духовная практика героев Петра Пустоты и А Хули — это два различных типа практики дзен-буддизма. Время практики Петра было недолгим, и он достиг просветления с помощью дзен-коанов и мастера дзен Чапаева. Древнекитайская лиса-оборотень А Хули прожила две тысячи лет, практикуя метод «созерцания сердца (синь)». В этом также состоит разница между Северной и Южной школами китайского дзен-буддизма. Шэньсю, дзен-буддистский мастер Северной школы, выступает за постепенную практику и предлагает метод «созерцания сердца» и т.д. Не исключаются цитации собственно текстов, но их могло быть больше. Термины и понятия, которые используются автором для оценки текстов Виктора Пелевина, не искажены, унификация выдержана. Общие требования издания учитываются, формальной правки текста не требуется. Промежуточные выводы / общая оценка текстов В. Пелевина, на мой взгляд, тоже является лишней: например, «Истинная причина исчезновения героев В. Пелевина заключается в том, что они уже стали просветленными. В романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня» просветление может быть достигнуто сразу после понимания сути учения дзен-буддизма: «высшим учением» в романе «Чапаев и Пустота» является понятие «Пустота», и в романе «Священная книга оборотня» — «Природа Будды». Эти учения дзен-буддизма — единственный способ самоспасения для практикующих в романе. Они задаются автором заранее и постепенно ведут героев романа к просветлению». Это дает возможность целостно посмотреть на фигуру писателя-постмодерниста, масштабно оценить его творчество. Рецензируемый материал удобно использовать в вузовской практике, при изучении истории новейшей русской литературы, творчества Виктора О. Пелевина. В финале автор приходит к выводу, что «духовная практика главных героев в романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня», Петра Пустоты и А Хули, является

дзен-буддийской практикой. Различие их духовных практик заключается в том, что Петр больше полагается на коаны дзен-буддизма и на помощь мастера дзен, а А Хули – на себя. Причиной данных различий является различие в стремлении познать «высшее учение», которое ими движет. В этих двух романах «высшее учение» основано главным образом на дзен-буддизме, но включает в себя и другие идеи. В романе «Чапаев и Пустота» понятие «Пустота» — это не только «высшее учение», которое Петр должен познать в своей практике, но и метод, данный автором для решения социальных проблем. В романе «Священная книга оборотня» основным учением является понятие «Природа Будды», однако в произведении присутствует скорее антидзенская тенденция...». Думаю, что подобное заключение вполне соотносится с темой. Библиографический список полновесен, формальные грейды выдержан. Рекомендую рецензируемую статью «Дзен-буддистская практика в прозе В. Пелевина (на примере романов «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня»)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».